

Леонид
КУРАВЛЕВ

СОТОВАРИЩ

Мир, 2002, 1979, 25 июля

ШУКШИН и актеры были сотоварищи в работе, хотя всегда чувствовалось, что старшим в товариществе оставался, конечно, Василий Макарович. Иногда, чтобы научить плавать, человека бросают в воду — выплывай, мол, сам — и остаются рядом, чтоб при первой же неудаче сразу прийти на помощь. Иногда так делал Шукшин — нечто подобное я испытал.

Готовились к съемке сцены в сельской милиции в фильме «Ваш сын и брат». Бежавшего из лагеря Степана, которого играл я, арестовывал милиционер; сюда же, в отделение, прибегала немая сестра Степана.

Шукшин тогда сказал:

— Леня, репетировать не будем: вот как бог тебе на душу положит, так и сыграй.

Начали сцену. Прибежала сестра, бросилась на шею брату, стараясь увести его из милиции, а милиционер невольно тоже вцеплялся в Степана; шла чисто физическая борьба за него. Конечно, я был на стороне родной крови — невинной сестры своей, но она приносила мне невероятную боль — ведь я заставил ее страдать; к тому же, если бы я забылся, потерял контроль над собой, мог бы произойти непоправимое:

Степан мог убить милиционера. Таков был накал сцены.

Поэтому я невольно стал отходить от себя не милиционера, а сестру.

Когда закончились съемки первого дубля, одна из ассистенток возмутилась: как можно так обращаться с родной сестрой, да еще немой? Шукшин вспылел и выгнал ассистентку из павильона. Очевидно, сыграли мы пошукшински, и Василий Макарович был не только внутренне готов к такому решению сцены, но и знал наперед, что играть надо именно так.

...Перечисляя песни, любимые Шукшиным, я назвал бы и «Ты прости меня, мать...», для меня она стоит особняком — я исполнял «Ты прости...» в фильме «Ваш сын и брат». Василий Макарович хотел, чтобы в песне я дал почувствовать зрителям характер героя, который ярко выражается не только в тексте, но и в манере исполнения, очень своеобразной. Накануне съемок сцены — «застолницы», как называл ее Шукшин, — он сказал:

— Сделай так, чтобы и я, и зритель тебе поверили.

Я всю ночь проворочался, все думал: «Бог ты мой, как же сделать, чтоб поверили!» Многого мысленно перебрал я, пока, наконец, не всплыла в памяти застолница в очень тесной квартире: Шукшина

в Медведково. Василий Макарович сидел обычно eo глазе стола, и было в позе его, в манере держаться что-то от Степана Разина, которого он так мечтал сыграть. После нескольких рюмок, как всегда в таких случаях, стоял громкий говор. И вдруг, перекрывая «гур-гур», как говорят в кино, Шукшин начинал петь на высочайшей ноте. Пел Василий Макарович очень оригинально.

Он упирался кулаком в левое колено, голову клонил к левому плечу, а рот кривил вправо; волосы падали на лоб, и он кого-то бодал — буквально, кого-то сильного, с кем спорил, кому силился доказать свою правоту, с ожесточением, даже со злостью. Вот такая странная была у него манера петь, и ее-то я и скопировал в застолнице из картины «Ваш сын и брат».

...Один большой писатель сказал, что наивность — художническая черта. Василию Макаровичу была как раз присуща эта «слабая» черта.

Наивно удивлялся он: почему в Москве делают подземные переходы для людей, а не тоннели — для автомашин?

В апреле 1974-го стояли мы в Новороссийске рядом с машиной, которая должна была нас везти, и шофер

включил приемник: по «Маю-ку» передавали — известному спортсмену исполнилось 24 года. Шукшин удивился:

— Что им, больше передавать нечего?

Он говорил, что каких бы успехов ни достиг спортсмен, оповещать всю страну о его 24-м — всего-навсего! — дне рождения не имеет смысла; что это может повести к зазнайству, нескромности и прочему; что есть еще очень и очень многое, о чем можно и нужно рассказывать людям. И т. д.

Вспомнилась одна его фраза. Дело было на Алтае, на Чуйском тракте, где мы снимали натуру для фильма «Живет такой парень». Тогда в кадре требовалось солнце, а несколько дней подряд лили дожди. И Василий Макарович, и все мы нервничали — все ждали, что погода наладится, а она не ладилась никак. И вот здесь — в какой-то раздумчивости, не конкретно мне, а как бы задавая вопрос самому себе, — Шукшин вдруг сказал такие слова:

— Неужели моя земля меня подведет?..

В трудную минуту обратился он за помощью к родной земле, и она его не подвела — на редкость щедро вдруг стало светить алтайское солнце. Но тогда я мало знал Шукшина, и слова его пока запись мне выспренными. Только много позже я понял, что он имел на них право: Шукшин был сыном родной земли — плоть от плоти ее.

Как березы..